

...Ласточка кружила в синем, ярком до рези в глазах небе, и следить за ее стремительным полетом было все труднее и труднее, но Федор не смел закрыть глаза, боялся, что чудо, подаренное ему на пороге смерти, исчезнет. Черный росчерк на синем холсте. Красиво. Жаль только, что дышать почти не получается от счастья. Или от боли... Неважно, важно, что он видит свою ласточку, пусть в небе, пусть не рядом с собой, но уж как вышло...

А небо сворачивалось, подчиняясь стремительному полету, закручивалось спиралью, наливалось сначала лиловым, а потом и черным. В этом черном Федор терял след своей ласточки, терял самого себя. И от бессилия, от дикой несправедливости этого сине-черного мира он закричал. Крик вырывался из горла толчками, марал синеву красным, глушил чужой, смутно знакомый голос...

— ...Как же так вышло, Феденька?

Если бы он смог дотянуться до источника голоса, то убил бы. Порвал на мелкие кусочки, пустил по ветру, который вдруг налетел, подхватил бесильное тело на крылья, понес вверх, к небу, на

черном холсте которого кто-то небрежной рукой рассыпал звезды и желтый, почти идеально круглый диск луны. Луна подмигнула Федору, как старому знакомцу, и сорвалась с неба, падая все ниже и ниже. Она летела, а он знал: пришел его конец — и вовсе не испугался, когда желтое вспыхнуло белым, а потом слилось с чернотой. Он больше не боялся смерти...

Смерть просачивалась в него серебряной озерной водой, прорастала сквозь него бурными нитями водорослей, вгрызалась острыми камнями, перемальвала. На дно Нижнего мира Федор опустился, уже не чувствуя ни боли, ни собственного тела — призраком, одним из сотен мертвецов. Пришел его черед. Ну и пусть. Смерть — это всего лишь вежа, а мертвое озерное дно — зал ожидания. Он будет ждать здесь свою ласточку. В своих снах она сможет спускаться к нему в Нижний мир, а когда придет ее час, они уйдут вместе. Или останутся здесь. Если вдвоем, то здесь не так уж и страшно. Вдвоем им вообще ничего не страшно. Он будет ждать хоть целую вечность. Пусть Айви, его ласточка, живет очень долго, до глубокой старости. Он не потянет ее за собой. Никогда!

— Никогда... — тихое эхо его мыслей — или не его? — прокатилось по растресканному озерному дну, ударило в висок. Больно, очень больно. — Никогда...

Желтые огни в пещере горели ярко и победно, а растревоженные мертвецы сбивались в похожие на рыбы косяки стаи, вздрагивали, мелко пощел-

кивали костями, смотрели на Федора с немым укором. Или с жалостью?.. Ему не нужна жалость. Вечность на дне Нижнего мира в окружении мертвецов — не самое большое наказание за то, что он не сберег, не защитил, хотя и клялся.

— Никогда... — Желтые огни в пещере мигнули и погасли, и мертвецы, кажется, вздохнули с облегчением.

— Тебе меня не сломать! — закричал Федор, борясь с болью, сжимая виски руками и зажмуриваясь от невыносимой, осязаемой темноты, заполнившей Нижний мир. — Слышишь ты меня, змеиное отродье?!

Ему никто не ответил, но щеки, опаленной мертвым течением Нижнего мира, что-то ласково и успокаивающе коснулось.

...Он не успел. В который уже раз упустил момент ее появления. Или ухода? В темноте не было никого, лишь издали тихий, смутно знакомый голос звал его по имени. Это не был голос Айви, а значит, не нужно отвечать. Остальные, из Верхнего мира, не имеют никакого значения. Пусть себе живут, лишь бы его не тревожили.

Но они тревожили! Закидывали на дно озера сети слов, тралили его пристанище криками и слезами, тянули к нему невидимые руки, мешали ждать. Федор злился, рвал сети, отбивался от чужих прикосновений, кричал от боли и ярости, а в горло вливалось что-то горькое и горячее, гасящее боль и крик, делающее мертвое тело снова тяжелым и осязаемым.

Потревоженный Нижний мир тоже злился. Его злость прорывалась из растрескавшейся земли дымными гейзерами, сочилась черной гнилой водой, заставляла мертвецов дергаться в неистовом сумасшедшем танце, ворочала остовы затонувших кораблей и неподъемные глыбы камней. А потом Нижний мир устал и от Федора, и от назойливого внимания живых. Нижний мир решил откупиться, выдернуть занозу из своего измученного людьми тела.

Черная вода прибывала стремительно, лизнув босые Федоровы пятки, она перебросилась на колени, а ладоням вдруг стало так больно, словно это была не вода вовсе, а кипящее масло. В этом водовороте он варился заживо, вместе с ошметками плоти теряя остатки разума. Снова умирал в мучениях. В который уже раз. И кричал от боли, молил о пощаде, потому что у человека, простого человека, неостанет сил вытерпеть такое. А он всего лишь человек.

— ...Глупый человечек, — отозвался Нижний мир не то шепотом, не то шорохом и содрал с Федора остатки кожи, а потом плеснул мертвой озерной воды в горло. — Глупый и все еще живой...

...Он вскинулся, захлебываясь водой и собственным криком, отталкивая чужие назойливые руки, отбиваясь от всех миров скопом. Он хотел умереть, но кто-то решил за него.

— Голову держи... захлебнется же, сучий сын! И руку, руку! Повязки все посрывал! — Голос был

мужской, сиплый от напряжения, знакомый. — Что ты удумала, женщина? Мы же утопим его сейчас!

— Или утопим, или вытащим! — Его собеседница говорила тихо, уверенно и Федоровы виски сжимала крепко, впивалась в кожу ногтями. — Ему теперь все едино, а я не знаю, как еще... Феденька, не блажи! Успокойся, родной! Возвращайся!

Держала ногтями, как крючьями, и голосом своим ласковым. А он не желал возвращаться. Или не знал как. Как ему в Верхнем мире без кожи, без души? Зачем?

— Больно ему.

Вода больше не лилась в горло, но дышать все равно получалось через раз.

— Сама вижу, что больно. А ты о чем думал, когда его вот такого в лесу одного бросил? О чем думал, я тебя спрашиваю?!

— О том, что, если бы не бросил, он бы уже давно мертвый был, и мы с тобой, возможно, тоже. А ты, женщина, разве не о том же думала, когда пулю в него всадила? Ведь сама, своими собственными белыми рученьками его чуть к праотцам не отправила. Держи его! Крепче держи, пока я ему все кости не переломал! И откуда в нем столько силищи-то...

— Знамо, откуда. Оттуда! И ты, Кайсы, знаешь... Молчи, не мешай мне, не отвлекай! Феденька, посмотри на меня! Это я, Евдокия!

Кайсы...

Евдокия...

Слова обретали смысл, обростали плотью. Призраки из прошлого рвались к Федору, сияясь превратиться в людей, которых он когда-то знал. Которые предали его, едва не убили! И он злился на них, но это была обычная, лишенная ядовитой горечи злость. Жизнь состоит из предательств. За редким исключением. Кайсы и Евдокию Федор считал исключением. До тех пор, пока Евдокия не попыталась его убить.

— За что... тетушка? — Собственный голос показался чужим, больше похожим на птичий клекот, чем на человеческую речь, но она его поняла.

— Феденька... — Когти-крючья разжались, отпуская, а щек коснулись так и вовсе ласково, осторожно. — Вернулся...

— Получилось. — В голосе Кайсы не было ни радости, ни облегчения. Кайсы завсегда мертвецов считал более бесхлопотными и сговорчивыми. Федор помнил.

А еще помнил он отсветы утреннего солнца на прикладе ружья и напряженное лицо Евдокии в прорехе кровавого тумана, помнил, как она щурилась правый глаз, прицеливаясь в него. Помнил выстрел и боль. И шепот, раздирающий голову на части, толкающий его, уже почти мертвого, сначала вперед, чтобы убить, а потом назад, чтобы умереть самому. Не получилось ни убить, ни умереть... А Кайсы говорит, получилось.

— Я не хотела, Феденька. Прости меня, ради бога. — Евдокия гладила его по щекам, отчего-то

мокрым, перебирала волосы. — Но по-другому никак нельзя было.

По-другому нельзя. Сколько раз за свою такую недолгую жизнь он это слышал? Сколько раз верил, что ничего не изменить, не исправить? Он уже и со счету сбился.

— Посмотри на меня, Федя. Посмотри. — В голосе Евдокии — горечь вины пополам с мольбой и надеждой. — Ты только глаза открой...

Глаза... Одного глаза у него нет. Да и самого Федора, урожденного графа Шумилина, государственного преступника, беглого каторжника, больше нет. А кто есть? Какое у него нынче имя? Как его теперь станет называть Айви?

Айви! С именем этим к нему вдруг разом вернулось все: и надежда, и силы, и желание жить дальше.

— Где Айви, тетушка?

И глаз он открыл, но тут же зажмурился от нестерпимо яркого света звезд. Звезды лежали на черном бархате ночного неба, драгоценным ожерельем обрамляли ущербный, почти истаявший уже серп луны. Ущербный... А ведь всего-то мгновение назад луна была полной, громкой, требовательной. Луна шептала, и он, Федор, шел вперед, повинувшись этому шепоту. Хотел убивать. Сам хотел умереть. Безумец! Вот только безумец ли?

Пальцы грызла злая, дергающаяся боль, но Федор сумел дотянуться до обожженного запястья, а нашупал холодную гладь браслета. Кайсы обещал принести оберег. Принес и даже надел прямо на

обожженную, кровоточащую плоть, и теперь браслет, кажется, окончательно стал его, Федора, частью.

— Все хорошо, — шептала Евдокия, — теперь все у нас будет хорошо.

Ему хотелось верить, но что-то не давало сдать-ся в плен ласковым обещаниям. А беспощадный колючий свет звезд прорывался даже сквозь сомкнутые веки, и Федор открыл глаза и не позволил себе их закрыть.

Он лежал у самого берега Стражевого озера, почти полностью погруженный в холодную воду, мокрый, дрожащий, не чувствующий ничего, кроме усталости и боли. Кайсы с Евдокией тоже были насквозь мокрые, по их измученным лицам стекали капли то ли слез, то ли пота, то ли и вовсе озерной воды. А его спасители смотрели на него сверху вниз. Кайсы чуть удивленно, словно не чаял, что Федор вырвется из плена Желтоглазого и собственного безумия. А Евдокия... Во взгляде Евдокии было много чего: и безмерное облегчение, и боль, и жалость, и что-то неуловимое. Вот этого неуловимого Федор боялся больше всего. И Айви не было...

— Где моя жена? — Он попытался сесть, упершись ладонями в черную гальку озерного дна, и тут же взвыл от боли в обожженных руках и простреленной груди. Евдокия в него стреляла, а теперь... что она пытается сделать с ним теперь? Спасти? Обмануть?

Кому верить, если от самого близкого, самого родного можно получить пулю в грудь, если любимая женщина не спешит к нему на встречу?.. Кому?! И нужно ли вообще верить?

— Лежи, Федя! — Тон Евдокии снова сделался жестким, как когда-то давным-давно. — Сейчас отпустит, ты только потерпи. И вот, выпей. — Она поднесла к его губам флягу, свободной рукой сжала голову так, что не вырваться, не высвободиться, велела: — Пей! Не заставляй меня силой вливать.

Он выпил. Не было у него сил бороться с этой непостижимой женщиной. Сил не оставалось даже на то, чтобы дышать. Каждый вдох отдавался болью и клекотом в груди, вырывался кашлем.

— Где Айви? Аким Петрович? — Язык заплетался, горечь от зелья Евдокии делала его неповоротливым, а слова едва слышимыми.

— Расскажу. — Евдокия убрала флягу, в глаза Федору она больше не смотрела, только по голове погладила ласково, как маленького. — Все будет, Федя, ты только отдохни, наберись сил. Кайсы, помоги же мне! За ноги его придержи, а я за плечи. Да не тяни, не тяни!

Его подхватили, вытащили из воды, и боль в руках, чуть утихшая, снова заворочалась, впиваясь острыми зубами в плоть. А звезды над головой закружились вокруг ущербной луны, замигали, чтобы через мгновение погаснуть. И вслед за ними сознание тоже угасло...

Федор очнулся от боли, а еще от голода. Боль и голод, как два зверя, терзали его измученное тело, рвали на части, вытаскивали из благословенного забытья. Пожалуй, голод был сильнее. Федор открыл глаза, осмотрелся. Он не узнавал это место, не был здесь никогда раньше. Над головой его с низкого бревенчатого потолка свисали пучки сушеной травы. Стоило только руку протянуть, и он бы коснулся хрупких мертвых стеблей. Федор протянул. Рука была замотана по самый локоть, на белой ткани некрасивыми бурыми пятнами проступала сукровица и еще что-то желтое, совсем уж отвратительное на вид. Со второй рукой дела обстояли точно так же, разве только под повязками выделялся браслет.

Мужчина лежал на невысоком, сколоченном из досок лежаке, на тюфяке, от которого остро пахло свежескошенным сеном, в комнатухе небольшой и темной, в которой, кроме лежака, помещались только стол с тремя табуретами и печь. Свет проникал сквозь небольшое, засиженное мухами оконце. Тяжелая с виду дверь была прикрыта, но тихо скрипнула петлями, стоило только Федору остановить на ней взгляд. В комнатуху, низко наклонившись, чтобы не удариться о притолоку головой, вошел Кайсы, швырнул на стол освежеванного зайца, стащил с головы волчью шапку и только потом посмотрел на Федора.

— Очухался? — спросил он мрачно, так, что стало очевидно, что факту этому Кайсы совсем не рад.

— Очухался, кажется. — В горле пересохло, и слова царапали нёбо. — Дайте пить.

Кайсы зачерпнул из ведра ковш воды, поднес к губам Федора.

Он пил жадно и боялся, что не напьется никогда, не погасит этот сжигающий нутро огонь. Он готов был выпить все ведро, но Кайсы не дал.

— Хватит, — сказал он. — Сейчас зайчатину будем есть. — Есть хочешь?

Федор кивнул, с тоской посмотрел на лежащую на столе тушку. Сколько еще ждать этой зайчаткины?

— Готовый заяц есть. — Кайсы прочел его мысли. — Евдокия сварила.

В два шага он оказался у печи, отодвинул заслонку, вытащил чугунок. Федор сглотнул, прикрыл глаза, стыдясь этой своей слабости, утробы своей ненасытной. Когда-то давно с ним уже было такое и сейчас вот повторяется.

— Кайсы! — позвал он, не открывая глаз, — когда придет Айви?

Она уже давно должна была прийти. Или приходила, увидела его вот таким... убогим и... все? Что ж, если так, он поймет, переживет как-нибудь. Кому нужен урод, да еще и калека? Сердце сжалось, и горло тоже, а пальцы вцепились в стеганое одеяло, которым он был укрыт, и бурые пятна на повязках начали наливаться алым.

Кайсы, несносный человек, ничего не ответил. Он налил бульона из крольчатины в большую глиняную миску, туда же положил кусок мяса, отломил от каравая большой ломоть и присел на край лежака.

— Сначала ешь, — велел таким тоном, что сразу стало ясно, что ответа от него не дожидаться. — Ты очень долго в Нижнем мире пробыл. Мы уже и не чаяли, что вернешься. После каторги толще был, чем сейчас. Так что ешь, вечером будем разговоры разговаривать.

И Федор ел, торопливо, обжигаясь и фыркая совершенно по-звериному, расплескивая бульон, пытаясь приноровиться к неспешным движениям Кайсы. Кайсы кормил его с ложки, как маленького, и куском не слишком чистой ветоши утирал скатывающиеся по подбородку жирные капли. Лицо мужчины было отрешенным и невозмутимым, как в те моменты, когда он точил свой любимый нож. На Федора он не смотрел. А Федор, к своему стыду, почти сразу же после обеда снова уснул. Кажется, только смежил веки и тут же провалился в черноту, из которой вынырнул, лишь когда за окном совсем стемнело.

На сей раз в комнатухе были люди. Евдокия в низко надвинутом на глаза платке, перепоясанная фартуком, хлопотала у печи, от которой волнами шло тепло. Кайсы стоял тут же, прижавшись широкой спиной к горячему печному боку, и точил нож. А за столом у окошка сидел Август. За минувшие годы он почти не изменился, разве что похудел

да кудрей вокруг лысеющей макушки поубавилось. И рубаха на нем была чистая, аккуратная, с затейливой вышивкой по вороту. Пробуждение Федора Август заметил первым, вскочил с места с такой стремительностью, что едва не опрокинул табурет.

— Федор! — сказал одновременно радостным и каким-то неискренним тоном. — Федя...

— Мастер Берг. — Он попытался улыбнуться, но улыбка не получилась. И сесть в кровати тоже не получилось, не хватило сил на такую малость.

— Ты лежи, Федя, лежи! — Август подошел сам, хотел было обнять, но, глянув на перевязанную Федорову грудь, растерянно спрятал пухлые руки за спину. Он и сам казался растерянным, напуганным. Он давешнего куража не осталось и следа. — Как же я рад тебя видеть!

Рад ли? По глазам и не скажешь. Бегают, на Федора не смотрят, и на мясистом, утратившем привычный лиловый оттенок носу повисла капля пота. Нервничает? Или боится? Кого? Его, Федора? А что теперь бояться, когда его хворостиной можно перешибить? Да и за что бояться? Никому из присутствующих он зла не желает. Даже Евдокии, которая пыталась его убить, а уж Августу и подавно.

— И я рад, Август Адамович, что свиделись. — Все-таки он улыбнулся. Вот только улыбка, видно, получилась не очень, потому что Август поежился и попятился. Кем же Федор стал за эти годы, в какое чудовище превратился, если самые близкие люди его боятся?

— Август, не трогай его, пусть сначала поест. — Евдокия с полной миской чего-то дымящегося, вкусно пахнущего уселась на табурет перед лежаком, велела: — Ешь, Федя!

— Игнат, — поправил Кайсы мрачно. — Нет больше Феди, а есть Игнат Вишняков. Привыкайте, если не хотите, чтобы его обратно на каторгу спровадили или и вовсе пристрелили как бешеного пса, без разбирательств. Игнат он отныне.

— Хорошо, — Евдокия кивнула и велела строго: — Ешь, Игнат.

— Айви? — Не мог он есть, не узнав правды.

— Потом. — Евдокия мотнула головой. — Сначала ешь, а потом мы тебе все расскажем, все по порядку. Мы здесь для того и собрались, чтобы тебя не мучить, Фе... — она осеклась и закончила: — Игнат.

И Федор ел, потому что снова выяснилось, что голод его терзает не человеческий, а звериный. Съел все, что дала ему Евдокия, а потом посмотрел на безучастного Кайсы, сказал: — Мне бы во двор...

— Нечего тебе на двор, вот тут ведро есть, Игнат. — Евдокия говорила ласково, успокаивающе. — А мы выйдем.

— Я сам выйду. — От стыда и собственного бесилия кровь прилила к лицу и дышать снова стало тяжело.

— Сам так сам. — Кайсы отлепился от печного бока, подошел к лежаку. — Давай помогу.

И помог, подхватил беспомощного Федора под мышки, стащил с лежака, погодил немного, дожи-

даясь, пока тот упрется босыми пятками в земляной пол, а потом сказал:

— Ну, вперед!

Шли медленно. Каждый шаг давался Федору с невероятным усилием, если бы не стыд пополам с болью, он бы, пожалуй, не дошел. Но он дошел. Снаружи была ночь или поздний вечер. Низко, прямо над вершинами подступающих к дому косматых сосен, висела нарождающаяся луна, и звезды казались особенно крупными, яркими.

— Где мы? — спросил он, опираясь плечом на шершавый сосновый ствол.

— Евдокии покойного мужа охотничий домик. Он охотником был знатным. — В голосе Кайсы послышалось уважение. Отец Айви был знатным охотником, чем и гордился. — В городе тебе сейчас оставаться опасно, вот и решили спрятать тут, пока на ноги окончательно не станешь. Чего смотришь? Думаешь, если сейчас еле стоишь, то и дальше так будет? Не будет, Игнат, браслет на тебе, а сила его в тебе. Сейчас, когда Евдокия тебя из Нижнего мира выдернула, дело веселее пойдет. Опомнись не успеешь, как оклемаешься. Это я тебе обещаю.

— А что еще вы мне обещаете? — Федор оттолкнулся от дерева, сделал шаг и упал, но не застонал, сжал зубы с такой силой, что и воздух сквозь них проходил с трудом, не то что слова. — О чем вы все молчите? Что происходит?

— Расскажем. — Кайсы поднял его за шкуру, как кутенка, и, не слушая возражений, перекинул через плечо. — Нагулялся, хватит на сегодня.

Дверь, ведущую в охотничий домик, он распахнул пинком, Федора положил, почти швырнул, обратно на лежак, отошел к печи и снова достал свой нож. Воцарилось молчание, такое тягостное, что от него зазвенело в ушах. И голос Федора в этой гробовой тишине прозвучал громко, как ружейный выстрел:

— Где Айви?!

Кайсы вздрогнул, и лезвие ножа прочертило на ладони кровавую полосу. Август с Евдокией переглянулись.

— Она не хочет меня видеть таким? Страшится?

— Феденька, — прошептала Евдокия, и Кайсы ее не поправил, лишь отер окровавленную руку о штаны. — Феденька, многое случилось, пока тебя не было.

Он уже понял, что случилось многое, увидел в их глазах, во взглядах растерянно-виноватых. Теперь он хотел знать правду, хотел знать, бросила ли его Айви.

— Федя, — Евдокия присела перед ним, попыталась погладить по волосам, но он дернулся, стряхивая ее руку. — Я не знаю, как...

— Скажи ему правду, — подал голос Кайсы. — Он не такой хилак, каким кажется.

Вот только сам Кайсы в этот момент вдруг показался Федору стариком, едва ли не старше Акима Петровича. Поблекла его лихая, дикая красота,

а взгляд, который он впери́л в Федора, сделался тусклым, неживым, и Федор перестал дышать, а обожженные руки враз сковало не болью, а нестерпимым холодом.

— Айви больше нет, — сказал Кайсы, и щека его дернулась.

— Как... нет? — Он не желал такое слышать и понимать отказывался.

— Нет. Из этого мира моя дочь ушла. Уже давно, больше пяти лет назад. — Его зрачки сощурились, сделались по-кошачьи узкими. И сам он в этот момент был похож на кота, дикого лесного хищника, смертельно опасного. — А ты ведь ничего не почувствовал? — Тонкие губы Кайсы скривились в горькой улыбке. — Не почувствовал ее муку за своими страданиями? Вот и я не почувствовал... И кто мы с тобой после этого? Имеем ли право называться отцом и мужем?

— Нет! — Федор замотал головой. Кайсы не понимал, говорил не то, потому что не знал, что Федор видел Айви в Нижнем мире. Пусть не человеком, а ласточкой, но видел! И перышко она ему подарила.

Перышко... стало вдруг очень важно найти его, вернуть себе, сжать в руке, почувствовать его шелковую прохладу.

— Где оно? — Федор уже не говорил, он кричал, и от крика его вздрагивал огонек стоящей на столе свечи.

— Что, Феденька? — спросила Евдокия.

— Перышко. В моих вещах... было. Кайсы, где мои вещи?

— Все здесь. — Евдокия суетливо достала из-под лежака его котомку, и Федор, не обращая внимания на боль в пальцах, принялся искать в ней то единственное, что имело для него значение. Нашел, сжал в ладони, прижал к щеке, успокаиваясь от этого ласкового прикосновения. Они просто не знают, не понимают, что его ласточка жива!

— Ты ее видел? — спросила Евдокия шепотом, и взгляд ее сделался еще более страдальческим, чем был до того. — Видел в Нижнем мире?

Он кивнул, не в силах сказать больше ни слова.

— Человеком? — А теперь в голосе Евдокии слышалась надежда, и в Федоровы руки она вцепилась, не опасаясь причинить ему боль. — Феденька, ты видел ее человеком? Разговаривал с ней?

— Нет. — Холод, сковавший тело, прошел, переплавился в уверенность, что случилось что-то непоправимое, что-то такое, с чем ему никогда не справиться. — Я не видел ее человеком и не разговаривал. Но я ее чувствовал! — Он снова сорвался на крик. — Она касалась меня крылом. Она подарила мне вот это! — Он разжал пальцы, чтобы все увидели лежащее на окровавленных бинтах ласточкино перо. — Смотрите! Видите? А вы говорите мне, что ее нет...

— В этом мире нет. — Кайсы сунул нож за голенище сапога. Лицо его сделалось привычно невозмутимым. — И в Нижнем, стало быть, тоже нет.

— Как такое может быть? Где она тогда? — Разговор этот был дикий, неправильный, и Федору начало казаться, что он сошел с ума. Пусть бы так, пусть он лишился остатков разума, только бы Айви оказалась жива.

— Она потерялась, — сказал Кайсы. — Потерялась между мирами...

— Хватит! — Федор сжал виски руками. — Вы все говорите какой-то бред! Позовите Акима Петровича, только ему одному я поверю.

— Федя... — Молчавший все это время Август сглотнул, кадык его дернулся на исхудавшей, покрытой сизой щетиной шее. — Федя, и Акима Петровича больше с нами нет. Ты только не кричи, не мечись. Ты послушай нас, Федя. Исповедь мою послушай. Это ведь из-за меня все...

Он снова замолчал, сник, уронив уже полностью покрытое испариной лицо в ладони.

— Август, не надо, — попросила Евдокия, но как-то несмело, неуверенно. — Не сейчас.

— Сейчас. — Он отнял руки от лица, перевел воспаленный взгляд с Евдокии на Федора. — Сколько лет я с этим живу, Дуня? Сколько ждал, чтобы покаяться? Я расскажу! Хуже, чем есть, ему уже не станет, что может быть страшнее, Дуня?..

Они разговаривали, эти двое, а Федор снова ничего не понимал. Происходящее казалось ему ирреальным, словно Нижний мир выплеснул свои темные воды и отравил, заразил безумием всех присутствующих.

— Федя, ты слышишь меня? — Август стал перед его лежаком на колени. Теперь его лицо было совсем близко. Федор мог видеть каждую морщинку, каждое пятнышко на нездоровой, ноздреватой коже архитектора. — Федя, послушай.

— Я слушаю, — сказал он и отвернулся, чтобы не видеть ничего вокруг, не поддаваться всеобщему сумасшествию.

— Это я во всем виноват, — снова повторил Август и, коснувшись Федорова плеча, тут же испуганно отдернул руку.

— В том, что Айви больше нет? — Все-таки он посмотрел. Открыл глаза, вперил немигающий взгляд в побледневшего Берга. — В этом вы виноваты?

— И в этом, наверное, тоже. — Август беспомощно посмотрел на Евдокию, и та кивнула головой, то ли подбадривая, то ли осуждая. — В том, что тебя арестовали, моя вина. Это мой язык проклятуший...

— Погодите! — Федор прижал ласточкино перо к щеке. — Вы одно мне скажите, ее тело... могилка есть?

— Нет, — вместо Августа заговорила Евдокия. — Нету могилки, Федя.

— Значит, она жива! — Уверенность, поселившаяся вдруг в Федоровой душе, придала ему сил. Ну и что, что уверенность эта была сродни безумию!

Август с Евдокией переглянулись, и женщина украдкой смахнула слезу.

— Ты должен нас выслушать, — сказала она наконец. — Узнать все перед тем, как что-то решать.

— Перед тем, как возненавидишь, — пробормотал Август.

Федор их уже ненавидел. За то, что они терзали его недомолвками, за то, что обманывали и пытались убедить, что Айви мертва. Ненавидел и любил одновременно.

— На тебя донес Злотников, — сказал Август и выдохнул.

Злотников... У Федора было время подумать, порассуждать над тем, кто же порушил их с Айви будущее, кому чужое счастье было не в радость. По всему выходило, что Сергею Злотникову, но как? Откуда тому было знать, кем являлся Федор на самом деле?

— А Злотникову рассказала Анфиса. Ты помнишь Анфису, Федя?

Пышное тело, румянец на всю щеку, ямочки... Анфиса любила Августа, а Август любил Евдокию... Вот такой у них получался треугольник. Можно ли ради любви пойти на подлость? Можно. Отомстить сразу и бывшему любовнику, и сопернице. Ведь у Евдокии непременно должны были возникнуть проблемы за укрывательство беглого каторжника. Очень большие проблемы. Но как? Откуда Анфисе было знать то, о чем не знал даже Август?

Наверное, Федор спросил это вслух, потому что Август сказал:

— Я знал. С той самой нашей зимней поездки на Стражевой Камень. Помнишь, когда метель, когда закружило нас с тобой? Я тогда хворый на печи лежал, а вы с Акимом Петровичем разговаривали. Вы думали, я в беспамятстве, а я многое слышал. Не все понял, но запомнил. Память у меня всегда хорошей была.

— И вы рассказали Анфисе? Зачем?

— Не нарочно, Федя. — Август прижал обе ладони к груди. — Спьяну. Я же пил тогда. Да ты и сам знаешь, как я пил.

«Пьяный старатель — болтливый старатель», — пришло вдруг на память, а стоящий у печи Кайсы внимательно посмотрел на него исподлобья.

— Так и есть. — Август кивнул. — Даже не помню, когда мог рассказать, но рассказал. Анфиса мне потом сама призналась, аккуратно в день нашего с Дуней венчания. — Он виновато посмотрел на окаменевшую Евдокию. — Сказала, это вам, Август Адамович, мой свадебный подарок, чтобы жили вы с этим и сами себя ненавидели... Я и ненавижу, — заговорил он после долгого молчания. — Не было дня, Федя, чтобы я себя, язык свой без костей не ненавидел.

— Он не пьет с тех пор, — заметила Евдокия, словно таким вот нехитрым способом пыталась оправдать предательство. Да и предательство ли? Август такой, какой есть. И всегда таким был — пьяницей и балаболом. А то, что не сберег чужую тайну, так с него молчания никто и не требовал. Но если бы он тогда промолчал, вышло бы сейчас все

по-другому? Федору очень хотелось верить, что да, но где-то глубоко в душе он знал: их с Айви счастье не могло длиться долго. Слишком уж ярким оно было, слишком уж кололо людям глаза. Злотников нашел бы способ...

— Я не прошу у тебя прощения, Федя.

Август не смотрел на него, разглядывал свои сложенные на коленях руки, а подошедшая Евдокия положила ладонь ему на плечо, успокаивая и поддерживая. Жена... Августу повезло, у него есть жена. А Федорова пропала, заблудилась между мирами, и никто не хочет рассказать ему, как это произошло. Тянут время, каются. А времени мало, ему нужно отправляться на поиски...

— Где Айви? — снова повторил он, отмахиваясь от ненужных извинений. — Что с ней стало? Где мне ее искать?

— Федя, ты не готов, — вдруг произнесла Евдокия неожиданно твердо. — Ты не отдаешь себе отчет в том, что происходит. Ты не понимаешь, а мы пытаемся тебе объяснить.

— У меня мало времени, моя жена пропала. — Евдокию в этот момент он почти ненавидел за это ее упрямство, за нежелание слушать. — Мне нужно что-то делать.

— И ты сделаешь. — Женщина бросила беспомощный взгляд на Кайсы, словно ища у него поддержки, но тот лишь равнодушно пожал плечами. И какой он после всего этого отец? Да и отец ли, если ушел, бросил единственную дочь еще в мла-

денчестве? — Но сначала ты должен узнать всю правду.

— Ее нет уже почти пять лет, — снова заговорил отец Айви. — И лишние несколько часов ничего не изменят. Твоя жена пропала, Игнат. И ты, тот, кто обещал любить ее и защищать, ничего не сделал. Так же, как и я.

Это была правда. Такая страшная правда, от которой хотелось выть волком и рвать глотки. Правда толкнула Федора вперед, к Кайсы, чтобы заставить того замолчать. Если получится дотянуться, то навсегда...

У него не получилось. С тихим, каким-то бабьим оханьем на него навалился Август, вдавил в тюфяк всем своим немалым весом, зашептал на ухо:

— Не надо, Федя. Ему тоже больно, он просто не может по-другому. Он не виноват. И ты не виноват.

Дышать было нечем, то ли от веса Августа, то ли от душившей его ярости, и Федор захрипел.

— Рана! — вскрикнула Евдокия испуганно. — Август, ты делаешь ему больно!

Никто не мог сделать Федору больнее, чем есть. Любая физическая боль казалась теперь ничтожной по сравнению с болью души, но они не понимали этого. Август отпрянул, засопел растерянно и испуганно.

— А кто виноват? — просипел Федор сквозь стиснутые зубы.

— Я...

— Вы. Я. Кайсы. Кто еще? Мне нужны все имена.

— Всех убьешь? — усмехнулся Кайсы. Вот только не было веселья в его усмешке, только боль, какую иным не выразить и криком. В этот момент Федор его понял. Или хотя бы начал понимать. Кайсы тоже убьет любого за Айви, но право это он предоставил Федору. Сделал подарок, цены которому нет.

— Спасибо, — сказал Федор одними губами, и Кайсы кивнул, принимая и неловкое извинение, и благодарность.

— Убьешь, Игнат. — В голосе его слышалось уважение, словно он тоже понял о Федоре что-то очень важное. — Придет время, всех накажешь, но перед тем, как вершить суд, ты должен узнать все. Чтобы не ошибиться, чтобы не пострадали невинные. Оно ведь легко — сгоряча и безвинную душу, и свою собственную загубить. Так что сейчас просто слушай. Будет больно. Я знаю, я все это уже слышал, но во второй раз не легче, Игнат. Поверь.

Он верил. Вот только сил и смирения в себе не находил.

— Рассказывай, — велел Кайсы, и Август вздрогнул. Не хотел Берг рассказывать, боялся. Не Федора боялся, а собственных воспоминаний. Но заговорил срывающимся, проседающим до шепота голосом:

— Когда тебя арестовали, у нас у всех тяжелая жизнь началась. Ты же беглый преступник, а мы

тебе вроде как помогали. Ты только не думай, Федя, я не жалуясь, я просто, чтобы ты знал, понимал, каково нам было.

— Аким Петрович все уладил, — заговорила Евдокия. — Да и Кутасов помог. Человеком он оказался не совсем конченным. Полиция меня довольно быстро оставила в покое, а что до людишек, то мне до них дела нет.

— Плевали в спину, камнями бросали... — Август сжал кулаки. Боль и обиду Евдокии он ощущал как собственную. Это и правильно, так и должно быть между мужем и женой. И у Федора с Айви так было бы, если бы не забрали у них будущее...

— Ерунда все, — Евдокия равнодушно пожалала плечами. — Людишки то были ничтожные, Злотниковым подкупленные. Сам-то он тогда еще боялся в Чернокаменске появляться, все исподтишка делал. Упырь. Августу тоже досталось, все его грехи припомнили.

— Мне, Дуня, одним грехом больше, одним меньше. — Берг едва заметно улыбнулся жене. — Айви с Акимом Петровичем никто не трогал. И хотели бы, но побоялись, видно, на остров соваться. Озеро вдруг снова сделалось беспокойным, что ни неделя, то новый утопленник. Поговаривать стали дурное... про ведьм. Что Айви за тебя мстит, что сговорилась со Стражем. Бабушку ее покойницу, Акима Петровича жену, вспомнили, что она тоже колдовкой была и воду мутила.

— Они бы поговорили да и успокоились, — покачала головой Евдокия. — Сколько таких разговоров уже было! Не люди повинны в том, что случилось, а Злотников. — Она посмотрела на Федора, сказала как-то по-особенному: — Ты выслушай меня, Федя. Терпи и слушай, потому что в другой раз у меня решимости может и не хватить, чтобы все тебе рассказать. Мне это все до сих пор снится, почитай, каждую ночь.

— Кричит она во сне. — Август поймал ладонь Евдокии, прижал к щеке.

— Аким Петрович верил, что сможет тебя с каторги вытащить. — Евдокия осторожно высвободила свою руку. — Планы строил, письма рассылал. Сказал, что Кайсы написал, а Кайсы с того света человека сумеет достать, если захочет. А если для дочери...

Кайсы кивнул, сказал:

— Вот только больно долго меня то письмецо искало.

— Ветром был, ветром и остался. — Евдокия в его сторону даже и не глянула, она не сводила глаз с Федора. — Планы у него были. И нас он всех убедил, что есть надежда. В Пермь несколько раз ездил, деньги платил нужным людям, прошения подавал. Айви тебе письма писала. И мы с Августом тоже. Не получал?

Федор покачал головой. Насколько легче и светлее была бы его каторжная жизнь с теми так и не дошедшими письмами!

— Это он все, — Евдокия бросила быстрый взгляд на Августа. — Сговорился с почтальоном, ирод.

Федор не стал спрашивать, кто. И так все понял. Злотникову было мало разлучить их с Айви, ему хотелось убить даже надежду, самые крошечные ее ростки.

— Это случилось первого июня, спустя год, как тебя забрали. — Лицо Евдокии вдруг исказила судорога боли. — Мы к тому времени уже с Августом сошлись, но на остров я, как и прежде, почти каждый день ездила, помогала. Вот только накануне приболела, три дня провалялась в беспомощности. Август мне и доктора вызывал, да только само все, без доктора, прошло. На остров поплыли вдвоем.

— Я побоялся отпускать Дуню одну. Она была еще слишком слаба после болезни. — Берг накрыл ладонь Евдокии своей рукой. — Поэтому мы увидели это... — он запнулся. — Мы были первыми, кто это увидел.

— Что вы увидели? — Не нужно было спрашивать. Сердце не желало знать правду, но разум оставался холодным. Он должен знать, что произошло. Знать все, в мельчайших подробностях. Так будет правильно и честно по отношению к самому себе, по отношению к сидящим рядом людям, которых разум не спешил относить ни к друзьям, ни к врагам.

— Там были мертвецы, — заговорила Евдокия. — Убитые, порубленные...

Сердце встало, умерло, как часовой механизм, который позабыли завести.

— Это были люди Злотникова, — сказала Евдокия торопливо, словно почувствовала эту его маленькую смерть. — Шесть человек, почти вся артель.

— Кто их?..

— Аким Петрович. Мы не знаем, что там случилось, мы можем только догадываться. Сложно все, Федя, запутанно. После твоего ареста многое случилось, вот только хорошего было мало.

— Савва Сидорович погиб, — сказал Август. — В том же году ушел зимой в лес на охоту и пропал. Он любил охоту и охотником был знатным. И не один он ушел, а со своим управляющим и Сергеем, лучшим на весь Чернокаменск егерем. Их хватились не сразу, только через четыре дня. Мари распорядилась отправить за ними поисковый отряд.

— Распорядилась она, гадина! — Евдокия презрительно поджала губы, скрестила руки на груди.

Август бросил на жену быстрый взгляд, но возражать не стал, лишь сказал мягко:

— Она должна была что-то предпринять, Дуня. Ей бы не простили такого небрежения. Вот она и собрала поисковый отряд, только, как на беду, приключилась метель. Неделю мело так, что из дому было не выйти, не то что в лес. Пришлось пережидать. Все ж до последнего надеялись, что Савва Сидорович со своими людьми укрылся от непогоды

в охотничьем домике, что после метели они сами вернутся.

— Не вернулись, — отрезала Евдокия жестко. — Когда добрались до домика, оказалось, что он пуст. Их искали, лес с собаками прочесывали, но разве же на весь лес людей и собак напасешься? Не нашли. Зато наткнулись на следы шатуна. Сначала на следы, а потом и его самого увидели. Матерый оказался зверь и злой, пока брали, он двух собак порвал и мальчишку егеря. Решили, что медведь на Савву Сидоровича напал. Кутасов отчаянный был человек, кураж любил, с азарта мог и на шатуна пойти. А весной, когда снег сошел, обнаружили три тела. Зверьем они были изглоданы, искорежены так, что опознавали их по одежде и часам... Хоронили всем городом. Из Перми приехали друзья, деловые партнеры, родственники Кутасова. Никто и поверить не мог, что с ним такое несчастье приключилось. Они все трое были хорошими охотниками, а погибли ни за что ни про что. Машка над папенькиным гробом уж как убивалась, тварь лицемерная. Даже в обморок падала от горя, вот только от помощи двоюродного дядюшки отказалась и в Пермь с ним не поехала. И потом, сколько ее ни звали, все время отказывалась.

— А через месяц после похорон в городе появился Злотников, — добавил Август. — И скрываться он даже не думал. Полиция к нему было sunulась, вот только оказалось, что свидетелей по тому делу нет. Савва Сидорович, главный обвинитель, мертв, а конюх, что по наущению Злотникова

действовал, еще зимой напился пьяным и замерз насмерть.

— А Машка, — зрочки Евдокии сузились от злости, — а Машка знай твердит: «Сергей Демидович — мой спаситель, единственный заступник. Если бы не он, лежать мне в сырой земле». Вот и все, Федя, было обвинение, и не стало обвинения, а Злотников из беглого преступника враз превратился в уважаемого человека, ходил по городу голем, и свора его вслед за ним. Аким Петрович такого допустить никак не мог, уж он-то знал всю правду. Какие-то разбирательства пытался затеять, чтобы все по закону. Да только разве ж можно с нелюдем по человеческим законам?

— Аким Петрович не успел довести дело до конца. — Август взъерошил и без того растрепанные кудри, с тихим стоном встал с колен, присел на стоящий возле лежака табурет. — Злотников его упредил, наведался со всей бандой на остров.

— Это мы так думаем, что наведался, — покачала головой Евдокия, — но доказательств у нас нет.

— Расскажите про Айви! Что с ней стало?! — потребовал Федор и, не обращая внимания ни на боль, ни на трескающуюся на руках кожу, сжал кулаки.

— Расскажем. — Евдокия смотрела ему в глаза, в отличие от Августа взгляда она не отводила. — Их шестеро оказалось, тех, кто приплыл на остров и там же, на острове, полег. Шестеро против одного Акима Петровича. Это если Злотникова

не считать. А он там точно был, мы уверены. Без его указки они бы не сунулись, побоялись бы. Когда с него сняли обвинения, он начал к Машке Кутасовой захаживать, уже не таясь. Она же, паскуда хитрая, понимала, что одной ей в усадьбе остаться не позволят. Да и кутасовские миллионы многим глаза застили. Вот и выписала себе какую-то приживалку, кажется, дальнюю родственницу — старую, ко всему глухую и подслеповатую. Соблюла приличия, чтобы люди не судачили, что молодая, незамужняя девушка одна, без отеческого присмотра живет. А то, что Злотников в ее девичьей спальне до утра оставался, все знали, но молчали. Машка и при жизни Саввы Сидоровича дурной была, а после смерти так и вовсе скурвилась. Почуяла власть и силу, поняла, что она одна всему теперь хозяйка. Вот только умишка ей не хватило, чтобы заводом и рудниками управлять. С людьми подоброму она договариваться не умела. Не научил ее отец, что власть и деньги надобно уметь еще и удержать.

— Упали прибыли, — поддержал Евдокию Август. — И народ с рудников побежал, а заводские роптать принялись. И партнеры Саввы Сидоровича стали выказывать неудовольствие, намекать, что не женское это дело — с заводом управляться. Вот если бы Мари вышла замуж за человека опытного и толкового, тогда бы все непременно пошло на лад. И женихи тут же сыскались, только Мари в их сторону даже не смотрела.

— Знамо, в какую сторону она смотрела, — поморщилась Евдокия. — За Злотниковым как кошка бегала, в глаза ему заглядывала, только его советов слушалась. А Злотников переменялся, поостыл, показал свою истинную суть. Несколько раз он на остров приплывал. Не давало ему покоя то, что Айви не его, не укладывалось такое у него в голове. Вот и наведывался, подарки привозил, в любовницы звал... Федя! — Евдокия крепко сжала его запястья, зашептала скороговоркой: — Тебе сейчас больно. И душе, и телу неважно. И ты сам себя нарочно мучаешь. — Она посмотрела на нас сквозь пропитавшиеся кровью повязки.

— Это вы меня мучаете, — прохрипел он. — Не рассказываете, что стало с моей женой!

Они медлили, боялись подступиться к самому важному, самому больному. И рассказ этот был невыносим уже одним своим началом. Айви и Злотников... Подонок, не слышащий отказов, а привыкший брать все силой. Золото ли, женщину ли...

— Мучаем, Федя. — Евдокия положила ладонь ему на лоб, мягко, но настойчиво вдавила голову в подушку, не позволяя подняться. Ее рука была прохладной, но облегчения эта прохлада не приносила. — Тебя мучаем и сами мучаемся. Уже который год. А ты слушай. Сначала выслушай, а уже потом... — она вздохнула, — решай.

Он уже все решил. Он убьет Злотникова. Не может тут быть иного решения.

— Айви его гнала, даже слушать не хотела. Когда он первый раз явился, мы с ней были на острове

вдвоем. Аким Петрович уезжал в Пермь. Он по твоему делу в Перми часто бывал. Я думаю, этот гад специально так подгадал, чтобы без Акима Петровича. Меня-то он не боялся. Я для него — пустое место. Начал петь, что одинокой женщине, пусть и мужней жене, нынче тяжело без покровителя, что многие на Стражевой Камень давно зарятся, а другим не дает покоя мысль, что Айви — государственного преступника жена, а живет себе на острове барыней. И вот он может ее ото всех защитить. — Ладонь Евдокии все давила и давила на лоб. Того и гляди, раздавит. — Айви плеснула в Злотникова тогда кипятком, попала на ноги, а надо было в харю. — Евдокия оскалилась совершенно по-звериному. — И я за ухват взялась, а он лишь посмеялся, сказал, что все равно будет так, как он решил, что ты, Федя, на каторге уже давно заживо сгнил, а с Айви, если станет артачиться, разговор совсем другой будет. Добавил, что после таких разговоров в живых мало кто остается. Вот до чего Савва Сидорович силен, умен и везуч был, а и с ним беда приключилась. Он нам тогда, Федя, считай, признался в убийстве Кутасова, потому что понимал — доказать мы все равно ничего не сможем. Наше слово против его. А его слово в Черномкаменске с каждым днем силу набирало. Почуяли людишки, что у города отныне новый хозяин и хозяину этому лучше дорогу не заступать. — Евдокия немного помолчала, а потом заговорила снова: — Второй раз его уже Аким Петрович встретил и долго разговаривать не стал, отходил посохом,

жалко, что хребет не переломал. Не пришлось бы тогда тебе все это рассказывать. — Она вдруг всхлипнула, зажала рот рукой. Лицо ее исказила мука. А Федору хотелось выть, вытравить из себя все человеческое, чтобы не было так мучительно.

— Дуня, — Август встал, обнял Евдокию за плечи, — не надо, не плачь. Тебе доктор запретил...

— Запретил! — Она отмахнулась и от его рук, и от его заботы, и от всех докторов скопом, на мгновение становясь той Евдокией, которую Федор помнил. — Что он понимает, этот твой доктор!

Август безнадежно покачал головой.

— Они приплыли на остров ночью, всей своей сворой, на нескольких лодках. — Евдокия говорила быстро, почти скороговоркой, словно боялась, что ее остановят, не дадут закончить рассказ, или просто старалась побыстрее его закончить. — Думали, если ночью и сворой, то им никто не помешает. Они не понимали, с кем связались, что ради Айви Аким Петрович пойдет на все. Он и пошел...

— Дуня, позволь мне. — Август снова положил руку на ее ладонь. — Довольно уже того, что ты все это видела, не нужно рассказывать. Я сам.

И она сдалась, зажмурилась, замотала головой, будто прогоняя страшные воспоминания.

— Они напали ночью, — заговорил Август. — Переждали полную луну и приплыли. Их много было, а Аким Петрович один, пусть и крепкий не по годам. Он бы с ними не справился в одиночку, не хватило бы на это человеческих сил.

— А нечеловеческих? — Рука сама потянулась к невидимому под повязками браслету. Федор помнил, что чувствовал, когда браслет не сдерживал ни силы, ни ярости, помнил, на что был тогда способен.

Август кивнул.

— Он снял браслет, Федя. Но как он его снял...

— Времени не было, — снова заговорила Евдокия, — а браслет клепаный, просто так его не разжать. Аким Петрович отрубил себе левую руку вместе с браслетом. Вот так он его снял. А чтобы не истечь кровью, сунул культю в угли, прижег рану.

Прижег рану... Обожженные руки Федора задержались, заныли. Какой же несгибаемой волей нужно обладать, чтобы решиться на такое?!

— Луна пошла на сход, но была еще в силе, и вся эта сила в него перелилась. Один против шестерых... Он их всех убил, зарубил тем самым топором, которым себе... руку, — Евдокия со свистом втянула в себя воздух. — И если бы их было только шестеро, все закончилось бы хорошо, но имелся еще седьмой.

— Злотников. — Федор не спрашивал, эту правду он знал с первой секунды.

— Пуля, — Евдокия кивнула. — Прямо в сердце. Аким Петрович сразу умер, не мучился. Я надеюсь...

— Айви?..

— Айви пропала, исчезла, словно ее и не было.

— Злотников ее забрал, увез с острова!

— Нет, Федя, — Евдокия покачала головой. — Не Злотников ее забрал, а Страж. Злотникову она бы живой не далась — или его убила бы, или себя. У нее при себе всегда был нож, знала наша девочка, чувствовала, что этот ирод не отступится. Федя, *он* ее позвал, и она откликнулась, ушла с ним...

— Нет! — Он замотал головой, попытался встать с кровати. — Это все неправда! Если бы Айви сама... если бы она не захотела жить, осталось бы... тело. — Он всмотрелся в побелевшее лицо Евдокии... — Вы нашли ее тело?

— Нет, мы вообще ничего не нашли, ни следа.

— Тогда отчего вы уверены, что ее больше нет?! — Федор рванулся с кровати, но Кайсы, неожиданно оказавшийся рядом, прижал его к тюфяку, не позволяя даже шелохнуться.

— Лежи и слушай, — велел тихо.

И Федор замер. В глазах Кайсы он увидел собственную боль и бессилие. Чего не было в этом взгляде, так это надежды. В отличие от него Кайсы не верил, что его дочь жива.

— *Ему* не нужно тело, Феденька, — сказала Евдокия тихо и погладила его по голове. — *Ему* довольно души и силы, в этой душе заключенной. А тело... сколько их там, на озерном дне?

— Ее нет среди мертвых! — Он вскинулся, а Кайсы снова вдавил его в тюфяк. — Я видел ласточку! Настоящую! Она не была мертвой!

— А была ли она живой? — вдруг спросил отец Айви. — Вы ведь раньше могли встречаться с ней в Нижнем мире, могли разговаривать. Тогда поче-

му она сейчас с тобой не говорит? Почему она мечется в птичьем теле? Она ведь мечется! И не лги! Себе не лги!

Как же ему хотелось солгать и в ложь эту поверить, но не получалось. Вот он здесь, рядом с озером, и браслет на нем, и серебро вскипает в жилах, зовет, а Айви все не приходит...

— Она заблудилась, — сказала Евдокия. — Застряла между мирами и не может до тебя дотянуться. Ты ее видишь, она тебя видит... Вот только все это не взаправду, все это сон, морок. Страж ее забрал, Федя. Или она сама, добровольно к нему ушла.

— Зачем? Зачем ей было уходить?!

— Не держало ее на земле больше ничего. Тебя нет, весточек от тебя никаких, Аким Петрович мертв. И Злотников... мы ведь не знаем, что он с ней сделал, что она чувствовала. А Страж позвал. Его зов может быть очень ласковым, особенно когда собственная жизнь теряет смысл. Он позвал, а серебро в ней отозвалось, заглушило голос разума. И не оказалось никого рядом, чтобы ее удержать. Мы с Августом недосмотрели, опоздали...

— Вы опоздали, а меня вообще рядом не было...

— Не вини себя. Это все судьба-злодейка.

— Я здесь только одного злодея вижу, — сквозь стиснутые зубы протянул Кайсы, и жало ножа угрожающе вынырнуло из рукава его охотничьей куртки. — Вот ты, Игнат, на ноги встанешь, и мы с ним расправимся, с живого шкуру спустим, на кусочки порежем, он у нас с тобой еще умоется кро-

вавыми слезами. — Отец Айви улыбался, а из его черных зрачков на Федора смотрело безумие. Кайсы был намерен сдержать обещание, а Федор собирался ему в этом помочь и знал: когда дойдет до дела, рука его не дрогнет. Только вернет ли это Айви? Освободит ли из призрачной ловушки?

Потерялась между мирами, заблудилась. И ходу ей нет ни в мир живых, ни в мир мертвых. Он не желал верить, но та ничтожная толика серебра, что досталась ему с браслетом, нашептывала — так оно и есть, его ласточка страдает, не в силах обрести покой, потеряв путеводную нить. И раз так, он должен сделать все возможное и невозможное, чтобы ее... нет, не спасти — освободить.

Горло сдавила судорога, и по щекам потекли горячие слезы. Федор вытирал их руками, и кровавые пятна на повязках из темно-красных становились бледно-розовыми.

— Поплачь. — Евдокия гладила его по голове, как маленького, а Кайсы отошел обратно к печи, принялся точить свой и без того смертельно острый нож. На Федора он больше не смотрел, наверное, посчитал его слабаком. Ну и пусть. Он и есть слабак.

— Что с ней станет? — спросил Федор, отворачиваясь к стене, чтобы никого не видеть, чтобы его никто не видел. — Как она там... существует?

Откуда им было знать, если даже он сам ничего не знал наверняка, просто чувствовал!

— Ее можно вернуть?

— Нет. — Евдокия убрала руку с его лба, и в этот миг Федору показалось, что она от него отре-
лась. Душевная мука сделалась нестерпимой, и он
закрыв глаза. — В мир живых ей теперь пути нет,
но мы должны что-то придумать, чтобы вызволить
ее душу, должны найти способ, Федя.

— Я найду. — Он открыл глаза. — Костью ля-
гу, но найду.

Сколько он их уже дал — невыполнимых обе-
щаний и клятв? Но эта будет последней, нет у него
больше иного смысла жить.

— Мы тебе поможем, — вдруг сказал Кай-
сы. — Не допущу я, чтобы девочка моя стала не-
житью.

— Почему нежитью?.. — Сердце дрогнуло, и
воздух застрял в горле.

— Потому что там, где она сейчас, душе тяже-
ло, все светлое из нее выдавливается капля за ка-
плей, и превращается живой человек в бездушную
нежить, забывает себя и тех, кого когда-то любил.
Время там течет по-другому, но пять лет — это
много даже для такой, как Айви.

— Вы сказали, *он* ее к себе забрал. — Федор
перевел взгляд на Евдокию. — Зачем она ему та-
кая, не живая и не мертвая?

— Потому что он сам оттуда, с границы миров.
Он сам не живой и не мертвый, он страж между
мирами. Так считал Аким Петрович, и мне кажется,
что так оно на самом деле и есть. Айви, такая,
какая она сейчас есть, вся только для него одного.
К предкам уйти не может, к тебе вернуться — то-

же. Вся сила ее, весь свет только для него одного. Думаешь, ему там света не хочется? Чтобы не по ночам, не в полную луну урывками, а постоянно?

— Хочется. — Евдокия спрашивала Федора, а ответил Август. — Я вот только понять не могу, какой свет ему нужен и зачем.

— Вы его слышите?

Можно было не спрашивать. Желтоглазый, однажды вцепившийся в человека, больше того уже не отпускал.

— Слышу. — Август кивнул. — Башню видел? Это моих рук дело. Ты еще многого не знаешь, Федор. О многом мы тебе еще рассказать должны.

— Потом, — оборвала его Евдокия и посмотрела на Федора строго, как в давние времена. — Ты еще слишком слаб, отдохнуть тебе нужно.

Он не хотел отдыхать, он хотел услышать всю правду, до последней крупиночки, но что-то такое было в отварах, которыми его потчевали. От них клонило в сон, а боль становилась не такой острой. И боль телесная, и боль душевная.

— Ты устал, — сказала Евдокия, и Федор ей поверил: да, он устал, и если нельзя умереть, то можно хотя бы уснуть. И кто знает, не прилетит ли к нему во сне ласточка...

Мысли становились медленными и неповоротливыми, а свет от свечей все слабел и слабел.

— Мы с Августом придем к тебе завтра, — журчал в наползающей темноте голос Евдокии. — Нам с тобой еще о многом нужно поговорить, а теперь спи...

Сердце Евдокии обливалося кровью. Она думала, что больнее, чем было, не станет, что с этой мукой она уже свыклась и почти смирилась, что бы там ни говорили Август и его доктора. Но вот затянувшаяся рана снова открылась и закровила.

Бедный-бедный мальчик... Как же Евдокия обрадовалась, когда глухой предрассветной порой в ее дверь постучался Кайсы! Он проскользнул во двор бесшумной тенью, и даже верный Рыжик ничего не почуял, не подал голос, не предупредил хозяйку о нежданном госте. Постарел?

Кайсы стоял на пороге в низко надвинутой на глаза волчьей шапке, но Евдокия его все равно тут же узнала.

— Пришел, — сказала вместо приветствия.

— Пришел. — Он так и не решался войти внутрь. Или просто не хотел.

Они расстались плохо. Евдокия не могла простить Кайсы, что после смерти Сони он ушел, бросил маленькую дочку. Ветер, как есть ветер... Не удержать его, не привязать. У Сони получилось, а больше никому не дано.

— Письмо получил? — Снаружи тянуло холодом и сыростью. Евдокия куталась в шаль, но гостя в дом не звала. В последнее время Август спал совсем плохо, лишь под утро забывался тревожным, хрупким сном. Она не хотела будить мужа. И знакомить с Кайсы тоже не хотела.

— Получил. — Он кивнул, и волчья шапка сползла еще ниже. — И поручение старика выполнил.

— Ты его привел? — Сердце зачастило, заболело, и Евдокия прижала к груди ладонь, пытаясь унять боль. — Федя здесь?

— Поблизости. — Кайсы пожал плечами. — Он без оберега, а на небе полная луна. — Куда ему такому без присмотра? Я хотел было на остров сунуться, да смотрю, там большие перемены. Где старик?

Он сбил шапку на затылок, глянул вопросительно. А про дочь не спросил, словно вырвал воспоминания о ней из сердца. Может, и вырвал. С ветра станется. И сделалось горько, так горько, что хоть плачь. Вот только слезы Евдокия давно уже выплакала, не осталось у нее больше слез. И смирения тоже не осталось. Наверное, поэтому она и сказала:

— Ты слишком долго шел, Кайсы. Нет больше Акима Петровича.

— Айви? — На смуглом лице не дрогнул ни единый мускул, и только черные глаза полыхнули недобро.

— И Айви больше нет. *Он* забрал ее к себе.

— Страж?

— Ты же знаешь. Зачем спрашиваешь? Не убеждали...

Он долго молчал, смотрел в наливающееся красной рассветное небо, а когда заговорил, голос его звучал бесстрастно:

— Одевайся, по пути мне все расскажешь. Еще, браслет, про который писал старик, у тебя?

— У меня. — Она кивнула.

— Тогда прихвати. Он сейчас сам не свой, про-
снулась дурная кровь. Я его связал, но все равно
предчувствие у меня недоброе.

Предчувствие... У Евдокии тоже было предчув-
ствие. Именно оно и заставило потянуться за Сте-
почкиным охотничьим ружьем. Кайсы ничего не
сказал, сам он, помнится, предпочитал ножи. Вот
только, если она права, подходить близко к Федору
нынче смертельно опасно. В памяти всплыла кар-
тина, которую Евдокия хотела бы, но не могла за-
быть. Изрубленные, до неузнаваемости обезобра-
женные тела. Кровь кругом: и на одежде, и на чер-
ных камнях, и в воздухе. Пахнет сладко, а на губах
привкус железа. А старый топор впился в камен-
ную твердь колоды по самый окровавленный обух.
И мухи... толстые, с оглушительным жужжанием
вьющиеся над мертвецами. Мухи врезались в па-
мять особенно, и жуткое это жужжание потом еще
очень долго преследовало Евдокию.

...Она шла по скользким от крови камням к дому
и молилась, чтобы внутри никого не было, потому
что живой не смог бы не услышать ее крик, живой
бы уже вышел, а мертвым все равно.

Дом стоял пустым. Тихо поскрипывали под но-
гами половицы, отбивали шесть утра каминные ча-
сы, и позолоченные фигурки кружились в беско-
нечном танце. А печь была холодной. И холод этот

через пальцы перетек в Евдокию, заставил броситься вон из дому.

Она металась по острову, звала Айви и Акима Петровича до тех пор, пока не осипла от крика. Август держался рядом, уговаривал успокоиться, но его губы и руки дрожали, а обычно румяное лицо наливалось белизной. Чего он боялся? Того, что им предстояло увидеть? Или он боялся за нее, свою жену? Она не спрашивала, она продолжала звать упавшим до шепота голосом.

Кровавый след первым увидел Август, поймал жену за руку, притянул к себе, не позволяя смотреть, но она его оттолкнула, вырвалась, пошла по следу. Она уже знала, к кому он приведет. Знала, но все равно продолжала надеяться на чудо.

...Аким Петрович сидел, прислонившись спиной к камню, белая рубаша его была черной от запекшейся крови, чернота эта вскипала красным на развороченной груди и не оставляла места надежде. Но Евдокия все равно не поверила, не боясь испачкаться в крови, упала на колени, обхватила Акима Петровича за широкие плечи, почувствовала неживой холод и только потом заглянула в мертвые глаза. Лучше бы не заглядывала, не видела эту боль и отчаяние, не окуналась в черные воды безысходности...

Наверное, она снова кричала, отбивалась дико и яростно, когда Август попытался оторвать ее от Акима Петровича. Мир вокруг сделался бесцветным, как после смерти Степочки, бесцветным и безмолвным. Август что-то говорил, тряс за плечи,

кажется, даже ударил по лицу, но Евдокия ничего не чувствовала. И он оставил ее в покое, понял, что не справится в одиночку с ее горем. Август бродил по берегу, что-то кричал, зачем-то махал руками, а она шла следом, потому что вдруг испугалась, что он тоже сейчас исчезнет, оставит ее совсем одну на острове, который за ночь превратился в кладбище. А озеро волновалось, тянулось к черным камням отливающимися серебром щупальцами, стонало, кричало пронзительным чаячьим криком. И небо сделалось темным, как ночью. На небе этом Евдокия вдруг увидела звезды. Звезды водили хоровод вокруг бледной луны, а потом одна за другой срывались и падали в воду.

Евдокия тоже упала, а в себя пришла уже в Чернокаменске, в их с Августом доме. Муж сидел тут же, у кровати, осунувшийся и постаревший, несчастный.

— Как ты, Дуня? — спросил шепотом.

— Нашли? — Она не стала отвечать на глупый вопрос, у нее были свои вопросы. — Нашли?!

Он покачал головой и сжал руку Евдокии в своей ладони. Раньше его руки казались ей мягкими и по-девичьи нежными, но сейчас они держали крепко, до хруста в костях. Это хорошо, пусть держит, не допускает, чтобы она снова сорвалась в беспомощность. Ей сейчас никак нельзя, ей нужны силы. Поэтому и осмотр доктора Евдокия выдержала безропотно, и отвратительные на вкус капли выпила, не поморщившись, и пообещала себя беречь. А когда доктор наконец ушел, велела:

— Расскажи мне, Август.

Он вздохнул, придвинул табурет поближе к ее кровати.

— Аким Петрович?.. — Теперь уже она сжала его руку.

— Я обо всем позаботился, поговорил с бабушкой. — Август сглотнул. — Дуня, он отрубил себе руку...

— Не руку — браслет! Они напали неожиданно, у него не было времени снять его. Ты нашел... браслет?

— Нашел. — Муж встал с табурета, вышел из комнаты, чтобы вернуться с ее, Евдокии, платком. — Он здесь. Я не знал, как с ним поступить. Дуня, платок теперь, наверное, не отстирать. Он весь в крови, Дуня.

В другое время она бы накричала на Берга, обвинила бы в том, что его заботит такая ерунда, но не стала, потому что понимала: Августу сейчас тоже нелегко, только с бедой он справляется по-своему.

— Он истекал кровью, Дуня...

— Не из-за руки. Его убили, выстрелили прямо в грудь. Кто в него стрелял, Август? Все артельщики мертвы. Кто же тогда стрелял?..

Они оба знали кто. Не было другого ответа на этот вопрос. Злотников исполнил свое обещание, убил всех...

— Они ищут? — спросила Евдокия и выдернула из-под спины подушку, попыталась сесть.

— Мертвых с острова забрали, сам остров обыскали, а озеро... Дуня, ты же знаешь, как они относятся к озеру. Особенно сейчас. Там сейчас буря, дождь и молнии над островом без конца. *Он* злится? На что *он* злится?

— Может, не злится? — Она посмотрела мужу в глаза. — Может, наоборот, радуется, празднует победу? Айви нет. Никого больше нет. Значит, она сейчас с ним... Или со Злотниковым? Вдруг он ее забрал?

Это была надежда. Пусть призрачная, пусть безумная, но надежда. И Евдокия, не слушая возражений мужа, принялась одеваться.

Злотникова дома не оказалось, но она знала, где следует его искать.

Кутасовский дом прятался за старыми липами, словно боялся ее, Евдокии, напора. И когда она со всей силы ударила в дверь кулаком, поддался и дверь распахнул, но успел нашептать хозяйке о непрошенных гостях. Мари Кутасова приготовилась к встрече. Или знала, что Евдокия придет к ней, ждала?

Она сидела в кабинете Саввы Сидоровича, упершись острыми локтями в дубовую столешницу, водрузив острый же подбородок на сцепленные в замок руки.

— Я тебя не звала, — сказала, окинув Евдокию презрительным взглядом. — И вас тоже. — Августу досталась брезгливая гримаска. — Что вы забыли в моем доме? Почему врываетесь без спросу?

Она говорила скупно, и слова ее были острыми, угловатыми, как и сама она. Но глаза... в глазах Мари Кутасовой Евдокия увидела страшное — дочь промышленника обо всем знала или догадывалась...

— Мы не к тебе, мы к Злотникову. Где он?

— К Сергею Демидовичу? — Мари приподняла тонкую бровь. — И что дало вам основания думать, что вы найдете его здесь, в моем доме?

— Ты и дала. Или считаешь, у людей глаз нету? Думаешь, не знает никто о ваших шашнях?

— Шашни... — Мари поморщилась. — Фи, как это грубо. Но тебе, глупой бабе, я, так и быть, прощу дерзость.

— Мари, где он? — неожиданно перебил ее Август, а Евдокию попытался задвинуть за свою спину. Защищал.

— А его нет. — Мари с нежностью погладила полированную столешницу. На тонком пальце с синюшным ногтем рядом с изумрудным перстнем блеснул еще один, на сей раз рубиновый. — У Сергея Демидовича случилось страшное горе. Вы разве не слышали? Весь Чернокаменск только об этом и говорит. — Она посмотрела на них снизу вверх, и во взгляде ее было... торжество. — Этот ваш островной отшельник сошел с ума и зарубил людей Сергея Демидовича, себе зачем-то руку отрубил, а внучку свою убогую в озере утопил. Потом, видно, опомнился и застрелился. Сергею Демидовичу в полиции так и сказали. Он, как услышал о случившемся, о том, что артельщики его ни за что ни про

что полегли, так сразу в полицию и отправился. А теперь вот с несчастными женами да детками-сиротками встречается, пытается помочь, поддерживать. — Мари вздохнула, а потом спросила совсем другим, жестким тоном: — Так почему вы здесь? Почему не в церкви? Вам же теперь самое время грехи замаливать, вы-то небось лучше других знали, какое чудовище — этот ваш Аким Петрович. Знали, но молчали!

— Ах ты... — Евдокия рванулась было к столу, но Август не позволил, вцепился в руку. — Это ведь не Аким Петрович виноват, это полюбовник твой все сделал! Его это рук дело! Ты думаешь, он тебя любит? Он деньги твои любит! Не нужна ты ему без денег, вот такая. Как думаешь, почему он на остров повадился? Он к Айви наведывался, ее, мужнюю жену, домогался. А как своего не добился, так и... — Евдокия не договорила, захлебнулась криком и заворочавшейся в сердце болью.

— Ты врешь! — Мари Кутасова медленно встала из-за стола. На щеках ее полыхал злой румянец. — Завидуешь мне! Вы все моему счастью завидуете, поэтому и возводите напраслину! Да только забыли, что за напраслину можно и поплатиться!

Ее зрачки сузились, а ноздри, и без того широкие, наоборот, вывернулись еще больше, затрепетали гневно. И если и раньше Мари Кутасова не была красавицей, то сейчас и вовсе превратилась в уродину. И отражение ее в высоком напольном зеркале хищно улыбнулось, выпуская на волю ее темную суть. Август смотрел на это отражение

словно зачарованный, а Евдокии подумалось, что видит муж даже больше, чем она сама.

— Может, и были в жизни Сергея Демидовича гулящие девки, предлагали себя бесстыдно, но любит он только меня одну. Я единственная в его жизни женщина! Я не знаю, что хотела от него эта ваша... полоумная, чего добивалась и что обещала взамен на его любовь. — Мари уже не говорила, а шипела по-змеиному. — Да вот только предложение руки и сердца он сделал мне! Ко мне в ноги падал, мои руки целовал! — Она посмотрела на свои унизанные перстнями, трясущиеся пальцы. — И если кто-нибудь из вас вздумает помешать моему счастью, я вас уничтожу. Найду способ, будьте уверены. Не люблю я, когда на моем пути становятся, а всякие несчастья нынче дело нередкое, да и людишек лихих кругом развелось...

Сердце ныло, боль мешала дышать и думать, не хотелось верить, что человеческая душа может быть такой черной. Мари Кутасова знала не только про то, что случилось на Стражемом Камне, она знала, кто убил ее отца. А может, и не только знала. Савва Кутасов тоже стоял у нее на пути, мешал женскому счастью...

И отражение в старом зеркале подмигнуло Евдокии. Отражение знало свою хозяйку, как никто другой.

— Он говорит, что я красивая. — Мари вдруг улыбнулась. — Говорит, что краше и лучше меня никого нет, а остальные бабы — это так...

— Красивая? — Евдокия разжала пальцы Августа на своем запястье, шагнула к зеркалу, рывком развернула его к Мари. Та хотела было отвернуться, но не успела, встретилась лицом к лицу со своим уже почти ожившим отражением. — Вот какой он тебя видит! Вот какая ты на самом деле красавица!

Отражение улыбнулось Мари совершенно дикой, безумной улыбкой, а сама она закрыла лицо руками.

— Вон! Вон пошли! — завизжала Кутасова так, что задрожали стекла.

— Дуня, нам надо идти. — Август взял Евдокию за руку, потянул к двери.

Они шагали по узкому коридору, а вслед им несся смех Мари, такой же безумный, как и ее отражение...

— ...Значит, полиция разбираться не стала? — Кайсы шагал широко, и Евдокия едва за ним поспевала. Ружье то и дело соскальзывало с плеча, и приходилось его поправлять.

— А ты как думаешь? Злотников к тому времени уже в полную силу вошел, держал весь город в кулаке. Так и решили, что на Стражевом Камне произошло страшное несчастье, что это Аким Петрович всех убил, а потом сам застрелился. И никто даже не спросил, что злотниковские головорезы делали на острове, зачем приплыли посреди ночи. Еще и хоронили их всем городом, а на похороны Акима Петровича почти никто не пришел.

— Думаешь, его это опечалило? — Кайсы всегда говорил так, что было не понять, шутит он или серьезен. Да разве же мог он шутить, особенно сейчас, когда знал правду?

— Я думаю, что это нечестно, — сказала Евдокия. — Он многое сделал для города и для завода, а его называли сумасшедшим, и никто не усомнился.

— Людишки... — Кайсы произнес это тем особенным тоном, что сразу становилось ясно, как он относится к людям. — А со Злотниковым мы разберемся, об этом не переживай. Что на острове? Что за строительство? Башня какая-то...

— Это он дом строит.

— Кто?

— Злотников. Не дает ему остров покоя, манит, тянет, как моего Августа. Строительство началось почти сразу же, как он на Мари Кутасовой женился. Захотелось ему дом не как у всех, захотелось, чтобы крепость неприступная. Или замок посреди озера. Люди-то озеро стороной обходят, на остров не суются, а ему охота всем доказать, что ничего-то он не боится, что неуязвимый он и особенный. И денег теперь много, и власть над городом в его руках. Уважаемый человек, отец родной для всего Чернокаменска... — Сердце кольнуло, и Евдокия недовольно поморщилась. Не вовремя все это, некогда хворать. — Машка Кутасова пыталась его остановить, ни в чем никогда не перечила, а тут заартачилась. Боится она острова. Знает, гадина, что там произошло, знает, что остров на костях стоит и

кровью полит, вот и боится. А Злотников ничего не боится: ни людей, ни бога, ни черта.

— Это его еще не пугали, — процедил Кайсы сквозь зубы.

— Не пугали, — согласилась она. — Некому пугать...

— Исправим.

И Евдокия поверила: этот исправит. Ветра тоже могут быть лютыми. Боль отпустила, и сердце забилось ровнее, успокоилось.

— А башня ему зачем? — спросил Кайсы.

— Не башня — маяк. — Женщина вздохнула. — И не ему, а Августу, моему мужу.

Оказывается, Кайсы умел удивляться. От удивления он даже замедлил шаг, посмотрел на Евдокию пристально. Не хотелось ей об этом говорить, но придется, если уж хочется видеть ветер у себя в союзниках.

...Злотников пришел к ним ровно через год, день в день. И Евдокия тот день запомнила очень хорошо. Скрипнула калитка, залаял Рыжик и тут же захлебнулся лаем, заскулил. Август сидел за столом над своими чертежами. В последнее время он много работал, вот только получал ли от этой работы удовольствие, Евдокия не знала. Денег точно не получал. Все хозяйство лежало на ней одной. Для жизни на земле Август был не приспособлен совершенно. Первое время после свадьбы он брался помогать, но от помощи его становилось только хуже, хорошо у Августа Берга получались только до-

ма. Да и то в последнее время лишь на бумаге. Работу опальному архитектору в Чернокаменске никто не предлагал, и ничего другого он делать не умел да и, положив руку на сердце, не хотел. Если бы не любовь, чувство глупое, в чем-то даже утомительное, Евдокия бы его прогнала, но была любовь, и мягкие руки Августа, и ласковые слова, и удивительные, сказочные совершенно идеи, которые расцветивали серую Евдокиину жизнь, наполняли ее смыслом и светом. Любовь заставляла их двоих, таких не похожих друг на друга, держаться вместе, мириться с недостатками, дорожить достоинствами.

Дверь распахнулась без стука, впуская в дом незванного, нежеланного гостя. Сергей Злотников обвел насмешливым взглядом светлицу, кивнул Евдокии.

— Давненько не виделись, Евдокия Тихоновна.

Он был холеный, сытый, довольный жизнью, ненавистный... И Евдокия взялась за ухват. Было бы под рукой ружье, взялась бы за ружье, но ружье висело в другой комнате.

— Вижу, обрадовал тебя мой визит. — Злотников улыбался, похлопывал кожаными перчатками по левой ладони, а сам надвигался на Евдокию.

— Вон пошел, — проговорила она очень тихо, но так, что любой бы понял, что с ней шутки плохи. Вот только Злотников ничего не боялся.

— А я не к тебе. — Свободной от перчаток рукой он отвел в сторону ухват, а потом неуловимо быстрым движением и вовсе вырвал его из оне-

мевших пальцев Евдокии. — Я к Августу Адамовичу. Он же дома?

Она не ответила. От злости, от бессилия закончились разом все слова. Убийца пришел в ее дом и хозяйничает, распоряжается привычно, побарски...

— В разговор наш не вмешивайся, — велел Злотников, аккуратно прислоняя ухват к стене. — И чаю завари. Беседа нам с господином Бергом предстоит долгая.

Ей бы и заварить, а в чаек крысиного яду сыпануть, да только не решилась. Небось половина Чернокаменска знает, что Злотников почтил их своим вниманием. Сама-то она тюрьмы не боялась, но Август... Августу без нее конец. Да и были в жизни еще дела, которые требовали ее, Евдокии, участия. Не время рисковать, лучше уж немножко потерпеть. А крысиный яд никуда не денется, придет и его время...

Дверь за собой Злотников прикрыл очень плотно, так, что не услышать ничего. Да Евдокия и не пыталась подслушивать, знала, что Август ей все расскажет. Не было у него от нее тайн.

Эти двое разговаривали долго. Так долго, что Евдокия уже начала волноваться и несколько раз порывалась зайти в комнату, но в самый последний момент останавливалась у закрытой двери, сжимала зубы, чтобы не закричать, и кулаки тоже сжимала, представляя, как расцарапывает ненавистную злотниковскую рожу.

Дверь открылась внезапно, стукнулась ручкой о стену с такой силой, что посыпалась штукатурка.

— А чаю так и не принесла, — сказал Злотников все с той же своей ненавистной улыбкой. — Бить тебя надо чаще, Евдокия Тихоновна. — Он обернулся, произнес, повышая голос: — Слышишь меня, Август Адамович? Баб нужно в страхе и строгости держать, чтобы не распускались, знали свое место. А ты, я смотрю, слабину даешь, подкаблучником стал. Стыдно, Август Адамович, не по-мужски это.

— По-мужски в спину беспомощному старику стрелять и чужих жен до смерти доводить, — процедила Евдокия, не удержалась.

— И тебя то же ждет, если не уймешься, дурная баба. — Злотников продолжал улыбаться, но улыбка его сделалась страшной, а пальцы, сжимающие кожаные перчатки, побелели. — Так мы договорились, Август Адамович?

— Договорились. — Август вышел в комнату, обошел Злотникова по дуге, обнял Евдокию за плечи, и она едва поборолла желание руки его скинуть. О чем они там разговаривали за закрытыми дверьми? О чем можно договариваться с этим гадом? Ни о чем! — Но и ты мое условие не забудь, Сергей. И жену мою пугать не смей.

Она не испугалась, она просто не понимала, что происходит, какое такое дело связало ее мужа с этим подонком. Это непонимание делало ее слабой и беспомощной, а к такому Евдокия не привыкла.

— Любишь ее? — Злотников посмотрел на Евдокию удивленно, словно видел впервые в жизни. — Это хорошо. Для меня хорошо. Любящий человек слаб и уязвим. Не видел я в этой жизни большей глупости, чем любовь, но сила ее меня, признаться, поражает. А про уговор я не забуду, хоть и дурь это несусветная, но ты же у нас гений, тебе всякая дурь позволена. А если она меня, Сергея Злотникова, увековечит, так и пусть с ней. Денег хватит. Людишек в помощь бери сколько посчитаешь нужным, но с прожектором, или как это у вас там называется, не тyani. Жить я собираюсь долго, но вот долго ждать не люблю.

Он ушел, не прощаясь, не закрывая за собою дверь, и напуганный опасным гостем Рыжик не подал голоса.

Август тоже долго молчал. Сел за стол, сжал виски руками, закрыл глаза. Евдокия его не торопила.

— Дуня, сделай чаю, — попросил он тихим, незнакомым каким-то голосом и добавил заискивающе: — И самогонки... я знаю, есть у тебя самогонка. Так ты налей. Немного, одну рюмашечку только.

Она вздохнула и еще больше утвердилась в ненависти к Злотникову. До его прихода Август уже почти полгода ни капли в рот не брал. О чем же они разговаривали? Но рюмку все-таки налила, а бутылку спрятала, от греха подальше. Август опрокинул рюмку одним махом, крикнул, занюхал рукавом, не обращая внимания на придвинутые соле-